

Cd Pong

РННХ: Эволюция холода

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Cd Pong

PHNX: Эволюция холода

<https://litres.ru/73412264>

SelfPub; 2026

Аннотация

В постапокалиптическом мире, где вечная мерзлота сковала планету, а человечество балансирует на грани вымирания, существует особая группа людей — фениксы. Они обладают невероятной силой управлять огнём.

Вера Рябинина, агент ФУКТА — организации, контролирующей фениксов, — сталкивается с самым опасным противником в своей жизни. Артём, сильнейший из известных фениксов, способный не только выживать, но и контролировать свою разрушительную силу, становится её навязчивой идеей.

Когда Вера обнаруживает, что именно этот феникс может стать ключом к спасению человечества от вечной зимы, она оказывается перед выбором: выполнить свой долг или пойти против системы ради того, кто стал для неё больше, чем просто целью.

В мире, где каждый день может стать последним, где любовь и долг переплетаются в смертельную игру, а сила фениксов может как уничтожить, так и спасти человечество, Вере предстоит сделать выбор, который изменит не только её жизнь, но и судьбу всего мира.

Содержание

Глава 1. Точка невозврата.	4
Глава 2. Шарик мороженого.	10
Глава 3. Призрак .	14
Глава 4. Синие глаза феникса.	21
Глава 5. Где моя выдержка?	28
Глава 6. ЧЁРТОВ ПСИХ.	35
Глава 7. Рыжая гадина. Артем.	46
Глава 8. Без комментариев.	51
Глава 9. Ни разу. Артем	60
Глава 10. То, что согревает меня, может согреть планету.	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

PHNX: Эволюция холода

Глава 1. Точка невозврата.

Мне поступает звонок на телефон. В тишине комнаты резкий стрекочущий звук бьёт по нервам.

– Вера Дмитриевна, в тридцать седьмой школе ЧП. «Феникс», на грани коллапса. Надо разобраться, как вы умеете. По-тихому.

– Принято.

Кладу трубку деревянными пальцами. Ощущаю, как кровь отливает от лица, кожа леденеет, а в висках дрожит напряжённый пульс. Тридцать седьмая школа. Там учится моя Алиночка, моя маленькая девочка. Мой ангелок, моя боль, моя трагедия, моя тайна, мой «феникс».

«Нет, нет, нет, нет и нет... Только не она, только не она. Я же держу её под контролем, она стабильна, нет-нет...»

Мысли кружатся в водовороте, царапают изнутри, сбивают дыхание.

Мы оперативно прибываем с группой на место. В воздухе витает едкий запах гари. Он проникает в ноздри, оседает на языке. Школа уже горит, но пока лишь из окон первого этажа вьётся тонкая струйка дыма, да где-то внутри глухо потрескивают горящие доски. Ещё не коллапс. Ещё есть время.

Еще есть шанс.

Быстро находим эпицентр.

В центре актового зала стоит моя маленькая дочка. Её кожа покрыта всполохами почти бесцветного пламени – оно шипит, соприкасаясь с холодным воздухом, и излучает жар, от которого слёзы наворачиваются на глаза. Ее глазки как два прожектора – слепящие, белые, без зрачков. Я вижу как она боится, вижу, как дрожат её ресницы, как сжимаются и разжимаются ее маленькие пальчики. Пытаюсь силой погасить её, сбить температуру – не выходит.

Ничего.

Абсолютно.

Я беспомощна.

Она перешагнула точку невозврата.

Подхожу к ней, зову:

– Милая, ну что ты, не бойся, мама рядом. Всё будет хорошо. Сейчас ты успокоишься, и мы пойдём домой.

Школу спешно эвакуируют. За стенами слышны топот ног, отрывистые команды, плач. В наушник врывается голос:

– В пострадавших классах уже погибли дети.

В этот миг очередная вспышка огня врывается в стену позади меня. Жар опалает затылок, волосы встают дыбом от статического заряда. Алиночка всё больше теряет контроль. Пламя взвивается выше, лижет потолок, рисует на стенах тени, похожие на когтистые лапы.

Я знаю, что я должна сделать. Я знаю, но медлю.

Медленно.

Очень медленно подхожу ближе.

Она поворачивается ко мне.

В её взгляде тлеет бездна боли и вины, а дыхание прерывистое, со свистом.

– Мама, мамочка, прости. Было холодно. Детки мёрзли, я хотела помочь.

– Я знаю, знаю, милая, ты ни в чём не виновата. Ну же. Иди ко мне.

Она подходит, обнимает меня. Замечаю сквозь огнестойкую ткань одежды, как её тело пульсирует жаром, будто внутри бьётся второе, огненное и неукротимое сердце. Кожа горит, пот стекает по спине, но я терплю.

– Я люблю тебя, милая, – шепчу я.

И делаю проклятый укол.

Она изумлённо смотрит на меня. Чувствую, как её пальцы слабо сжимают мою руку, чувствую как ее тело испускает последний всплеск тепла.

Потом потухает, дочка теряет сознание.

Обычно фениксы живут до двух дней после введения сыворотки.

С Алиночкой же вселенная не дала мне попрощаться.

Дочь умерла у меня на руках в том самом зале.

Её тело остывает мгновенно, ее огонь потух, весь до капли.

Я просыпаюсь в поту посреди ночи. Вокруг царит глухая тишина и плотный сумрак подземного бункера. Ни окон, ни ночного неба, ни даже намёка на внешний мир. Только мерное гудение вентиляционных систем, холодное металлическое прикосновение койки и запах стерильности, въевшийся в ноздри. Но я знаю сейчас идет снег... теперь всегда идёт снег и всегда холодно.

Забавная штука жизнь. Человек считал себя повелителем планеты, а она взяла да и практически стёрла его со своей поверхности, как заразную болезнь.

И как изящно!

Дала нам ключ к будущему, который мы покрутили в руках, почесали репу, да и выбросили за ненадобностью.

Наша матушка подготовила для человечества спасение, создала уникальную мутацию. Впоследствии её назвали PHNX-1. Этот мутированный ген давал его обладателю особые силы – силы управлять теплом. У всех они проявлялись по-разному, но это всегда было тепло. Такие люди рождались редко – три-четыре из сотни, но ещё реже рождались «фениксы». Их показатели PHNX зашкаливали. Эти люди не просто управляли теплом, они были огнём. И они были нестабильны, они коллапсировали, вспыхивая пламенем такой высокой температуры, что выжигали вокруг себя всё на сотни метров.

Когда это началось, примерно пятьдесят лет назад, было создано ФУКТА – Федеральное Управление по Контролю Термических Аномалий. И фениксов стали выявлять и ликвидировать до их коллапсирования.

Был введён режим обязательных проб крови новорождённых. Тех, у кого выявлялся РНХ-ген, ставили на учёт. И курировали до проявления сил.

Как правило, первые силы проявлялись к шести-семи годам, и тогда становилось понятно, кто «тепловик» – средний уровень мутации, полезные работники, часто сотрудники ФУКТА, а кто «феникс» – потенциальная бомба замедленного действия.

Но какой родитель согласится отдать своё дитя на уничтожение? Появилось сопротивление, подполье. Фениксов прятали, учили сдерживать пламя, учили контролю. Но они не доживали и до двадцати лет, всегда итог один – взрыв колоссальной мощности, разрушенный квартал и сотни, а то и тысячи загубленных жизней.

Так погибли мои родители. И так я стала агентом ФУКТА. Меня зовут Рябина Вера Дмитриевна.

Мне тридцать пять лет.

Я «тепловик», могу чувствовать фениксов и направлять их силу, если успею...

Я руковожу группой зачистки «Искра».

Я убила своего ребенка пять лет назад.

И я разочаровалась в системе.

Но не сразу.

Глава 2. Шарик мороженого.

За последние пятьдесят лет планета стремительно остывала. Сначала никто не тревожился: зима чуть длиннее, лето прохладнее. Потом градус за градусом – и вот уже в июле выпадает снег, а в августе реки сковывает лёд. Сейчас, когда среднегодовая температура не превышает -28°C , нам стало понятно: появление людей с PHNX-1 – это лишь логичное продолжение эволюции. Но тогда, сорок-пятьдесят лет назад, это казалось абсурдом.

Тепловики – ладно, можно понять и принять. Они не вредили в большей степени. Их тепло было будничным, почти незаметным.

Замок замерз? Не беда – сосед-тепловик приложит ладони, подышит, и механизм поддастся.

Опять перебои с отоплением? Ерунда – в семье есть тепловики, они посидят с детьми, прижмут к себе, и те не продрогнут.

Сломался чайник ? Все знают, кто сидит у стены слева. К нему тянется очередь с чашками: «Прогрей, а?» – и он молча берёт в ладони, греет, не спеша, это нормально.

Ничего сверхъестественного. Только польза.

А вот фениксы... фениксы – это угроза. Причём колос-

сальная.

Их сила не умещалась в рамки ни в физические, ни в человеческие. Это было не управление огнём, а сама стихия, живая и необузданная, вырвавшаяся наружу изнутри.

Тепловик, как спичка в ладони: тёплая, нужная, безопасная.

Феникс, как солнце, упавшее на землю.

Вспышка! И дом исчезает, превращаясь в пепел, на его месте зияет раскалённая яма в промерзлом грунте.

Взрыв! И воздух наполняется запахом гари, который держится днями, проникает в ткань, в волосы, в воспоминания.

Всё, что непонятно, надо уничтожить.

Так всегда поступает человек.

Была разработана специальная сыворотка. Холодный укол в вену – и всё. Ген уничтожен. Носитель... тоже. Клетки не выдерживали перестройки: тело быстро остывало, будто изнутри выкачивали жизнь. После введения препарата «феникс» угасал за дни, иногда за часы. Кожа бледнела, дыхание становилось поверхностным, глаза теряли тот самый, пугающий, огненный блеск. Процедура стала отработанной: анализ крови, наблюдение, ликвидация. Общество успокоилось. ФУКТА справлялись со своими обязанностями.

Но по мере того как Земля превращалась в ледяную пустыню, количество тепловиков и, что самое страшное, фениксов стало расти. Мороз сковывал города. Ветер выл в разбитых окнах, гнал ледяную крошку, которая резала лицо, за-

бивалась в щели одежды. Взрывы участились.

Контроль ужесточили:

Скрининг новорождённых стал обязательным. Крошечные пятки прокалывали иглой, собирали капли крови; учёт сделали пожизненным; за укрывательство карали жёстко – семьи исчезали за одну ночь, оставляя после себя лишь промёрзшие следы на снегу.

А когда планета окончательно превратилась в шарик мороженого, когда даже подземные города дрожали от вечной мерзлоты, когда дыхание оседало инеем на воротнике, а вода в кружке покрывалась коркой льда за минуту, кто-то из учёных предложил:

– Использовать фениксов для обогрева.

Так появились тепловые фермы.

Их строили в самых холодных зонах. Там, где системы отопления трещали от напряжения, где конденсат на стенах мгновенно превращался в ледяные наросты, а люди замерзали во сне, не успевая сделать последний выдох.

В этих комплексах фениксов, чаще всего детей, подключали к энергоконтурам. Холодные металлические зажимы впивались в запястья, провода тянулись к приборам, считывающим температуру тела. Их тела, переполненные пламенем, становились живыми реакторами. Они отдавали тепло постепенно, мучительно, необратимо.

Они расставались со своей огненной сутью, а заодно и с жизнью, в угоду власти имущим.

Официально их называли «источниками альтернативной энергии».

В документах – «объектами терморегуляции».

В народе – «свечами».

Потому что они горели.

И гасли.

Один за другим.

Глава 3. Призрак .

Раз уж я проснулась... а я точно знала, что больше сегодня не усну, поехала в управление.

Далеко ехать не надо: четырнадцать этажей на лифте вверх. ФУКТА располагалось под землёй, как и жилые этажи для сотрудников. Лифт двигался плавно, без скрипа, лишь едва уловимо гудели механизмы где-то за обшивкой. Я смотрела в отполированную стену кабины, в ней дрожало моё размытое отражение, словно призрак, не решающийся проявиться до конца.

Глаза уставшие, а взгляд пустой, словно выжженный изнутри. Я знала это лицо. Видела его каждый день. Но всё равно, каждый раз казалось, что передо мной чужая женщина.

«Что же я тут всё-таки делаю? В кого я превратилась? В убийцу?»

Но я давно уже убийца. Преимущественно детей.

«По необходимости. Для спасения сотен невинных», – так я оправдывала себя тогда.

Так я больше не могу оправдывать себя сейчас.

Моя Алина вряд ли смогла бы испепелить целый квартал. Но от школы бы точно не осталось ни кирпичика. Чем старше феникс – тем он сильнее. Я понимала, что мои действия были оправданы. Но с каждым годом жить с этим понима-

нием становилось всё сложнее.

Особенно в последние годы, когда мы превратили бедолаг в батарейки.

А между тем они идеально приспособлены к выживанию в суровой среде, царящей на поверхности. Фениксы не мёрзнут. Они могут топить лёд, могут создавать огонь для обогрева, могут жить в постоянном коконе из снега, в который превратился наш мир. Их тела – живые реакторы, способные поддерживать жизнь там, где техника сдаётся.

А мы... Мы держимся за прошлое.

Уничтожаем детей.

А что дальше?

Что случится, когда не будет рождаться никого, кроме «фениксов»?

Что тогда?

А всё просто. Тогда-то мы и вымрем, наконец. И планета вздохнёт с облегчением.

Наконец.

Лифт тихо пикнул, двери разошлись. Я поднялась на минус третий этаж. Тут располагались оперативные группы, за каждой закреплён ряд кабинетов и комната отдыха. Ещё были тренировочные залы и столовая. Для всего персонала на отдельном минус седьмом этаже, а для нас, оперативников, поблизости. «Для большей эффективности. Чтобы быстрее реагировать на сигнал», – так гласил регламент.

Я усмехнулась своим мыслям. «Какой же бред».

Воздух здесь всегда один и тот же – прохладный, стерильный, с лёгким привкусом металла, будто дышишь через провода. Его гонят фильтры, чистят, обеззараживают, но никак не могут избавиться от этого отголоска искусственности.

В коридорах – ни души. Только эхо шагов, отдающееся в стенах, кажется кто-то идёт следом, но стоит остановиться, то понимаешь это только обман сознания. Освещение дежурное: тусклые полосы под потолком, мерцающие чуть ниже порога раздражения. Достаточно, чтобы видеть путь. Недостаточно, чтобы чувствовать себя живым.

Камеры в углах неподвижны, но я знаю —они смотрят. Следят. Фиксируют время, маршрут, температуру тела. У тепловиков – отдельный алгоритм.

Прохожу мимо стеклянных стен тренировочного зала. Внутри – манекены, обугленные до черноты, с оплавленными контурами. «Цели для отработки нейтрализации», – написано на табличке. Я отворачиваюсь.

Я иду к кабинету.

Дверь открывается по отпечатку.

Внутри – стол, экран, чашка с остывшим чаем. Он уже был холодным, когда я его оставила. Но я всё равно беру в ладони. Прогреваю. На несколько десятков градусов. Достаточно, чтобы вспомнить, каково это – держать что-то тёплое.

И на миг становится не так тяжело.

Пока не вспоминаешь, зачем ты здесь.

Сажусь.

Открываю папку с личным делом Алиночки, всегда лежащую в ящике стола. Как напоминание, как неопровержимое доказательство моих преступлений.

Её фото... улыбка, косички, глаза, ещё не ставшие прожекторами. Провожу пальцем по бумаге. Она холодная. Как всё здесь.

Как я сама.

Включаю компьютер. Экран вспыхнул холодным голубым светом, рассекая полумрак комнаты. Застучала клавишами, стала изучать сводки. Тишина монитора, тусклые строки текста, сухие цифры и метки на карте.

В моём районе сегодня тихо. Никаких сигналов. Это хорошо. Значит, сегодня я не отберу очередную жизнь.

Члены команды стали подтягиваться ближе к восьми утра. Такие же хмурые, как и я, в глазах усталость, на лицах следы бессонных ночей. Но, узнав про день тишины, заметно расслабляются: кто-то шумно выдохнул, кто-то улыбнулся уголком рта, а кто-то просто опустил плечи, словно сбросил невидимый груз. Обстановка давила не только на меня.

Нет! Есть, конечно, в управлении фанатики – те, кто верит в «чистоту миссии» безоговорочно, и таких не мало, на много больше чем хотелось бы...

Но в моей группе их нет.

Иван, мой заместитель и лучший друг, вошёл без стука.

Здоровенный мужик, тоже тепловик, старше меня годами и со взглядами, схожими с моими. В крупных руках он держит миниатюрную чашку. С отвратительным кофе. После того как мир рухнул, мы питаемся всякой дрянью. Кофе, естественно, не растёт, но остались запасы – и вот эти запасы растягивают о-о-о-очень надолго. Так что это не кофе, а мутная горячая вода с лёгким запахом жжёного зерна. Но мы выпендриваемся и зовём это громким именем – КОФЕ.

– Что? Опять не спала сегодня? Кошмары? – его голос густой, низкий, согревал сам по себе.

– Это так заметно? – я даже не поднимаю глаз от экрана.

– Угу, заметно. Ты и так ходишь с кислой миной, а в такие дни – особенно.

– Ну извини, придётся потерпеть.

Я ещё собиралась что-то съязвить, как на пороге возник Федот. (Господи, ну отчего же такое идиотское имя? И до чего же сам человек – идиот, один из тех самых фанатиков.)

– Вееераааа Дмiiiiитриевна, – протянул он с преувеличенной вежливостью, – добрейшего вам времени суток. А у меня тут свежая сводка. Кажется, опять наш призрак появился. Не желаете ли взглянуть?

Но это был формальный вопрос, он уже совал мне под нос папку с данными, листки чуть шелестели.

– Спасибо, Федот... – вдох, выдох. (Надеюсь, среди читателей нет Федотов? Если есть – сорри.) – За бдительность. Мы немедленно отработаем наводку.

Он довольно кивнул и вышел, чуть прищёлкивая кабелями по жёсткому покрытию пола.

Я посмотрела на строчки документа. Буквы прыгали перед глазами, но смысл пробивался сквозь туман усталости.

– Та-а-ак... – протянула я. – Недалеко, на север, в двадцати километрах от вышки, замечена высокая термальная активность.

– Пойдём проверять? – Иван встал рядом, скрестив руки на груди. – Думаешь, призрак?

– Я думаю, что «призрак» это всего лишь призрак. Но кто меня слушает? О нём говорят уже лет... Сколько? Десять, не меньше? Сам знаешь, они столько не живут. Да и не смог бы феникс столько прятаться, как ни крути, они заметны.

– Не все, как ты, чувствуют фениксов. По этому окажись я рядом с ним, гляди, и не признал бы. Прошёл мимо. А если он не подросток... старше, тем более, прошёл бы мимо. Вот тебе и легенда.

– Нет, Вань. Это пустая наводка. Видишь? Там находится старая тепловая подстанция. Наверняка шалят либо датчики, либо остаточное тепло выходит. Пойдём туда и найдём группу бездомных, греющих руки у трубы с паром.

– Давайте я схожу, Вер Митривна! – вклинился в разговор наш самый молодцеватый член команды, Игорь. В его голосе звенит нетерпение, глаза уже вспыхнули азартом. Игорь, как и я, обладает редким даром контроля силы феникса, и часто безрассудно лезет в самое пекло. – Я устал уже тут сидеть. Ну

скууука смертная. Мне ребята рассказывали что он группу «Зарево» в кучки пепла превратил, они его нашли и ...

– Нет. Хватит Игорь. Я сама схожу, одна. Во-первых, Иван прав: я одна из вас чувствую феникса рядом. Во-вторых, если это действительно призрак, и если все слухи о нём хоть вполовину правда... – я замолчала на миг, подбирая слова, но потом просто сказала прямо – Я не хочу нести ответственность ещё и за ваши смерти. Проверю, быстро вернусь. Если не вернусь через три часа, вызывайте подкрепление. Тогда действительно призрак.

Я хмыкнула:

—Хотя чутье подсказывает, что это снова пустышка, как и последние разы. Ну нет в нашем городе взрослого феникса.

Глава 4. Синие глаза феникса.

Я посмотрела на координаты подстанции.

Не далеко.

Около пяти километров пешком.

Дойду.

Сегодня погода тихая.

Снег падает медленно, неспешно, зависает в воздухе перед тем, как коснуться земли. Если остановиться и всмотреться, даже красиво: белые хлопья кружатся, ложатся на ресницы, тают на тёплой коже. Но я не останавливаюсь. Меня это уже не трогает. Меня ничего уже не трогает... И давно.

Подхожу к заледенелым дверям старой подстанции. Металл покрыт изморозью, она хрустит под пальцами. Никаких признаков жизни. Только ветер воет между старых труб, вытягивает из груди остатки тепла. Его свист то усиливается, то затихает, создавая странную мелодию – то ли плач, то ли предупреждение.

Проверяю снаряжение: оружие, нейтрализатор, сыворотка, шокер. Пальцы привычно ошупывают каждый предмет, проверяют крепления, плотность прилегания. Всё на месте. Дергаю за ручку, дверь со скрипом поддаётся, выпускает скопившееся внутри тепло. Звук резкий, неприятный, похож на

стон старого дерева.

Внутри царят тишина и темнота. Глаза ещё не привыкли к мраку, первые секунды вижу лишь размытые очертания. Но чувствую тепло. Нос улавливает запах дыма: смесь древесного тления, пепла и чего-то ещё, едва уловимого.

Осматриваюсь.

У стены мешки сложены почти аккуратно. Их грубая ткань покрыта слоем пыли и паутины. Костровище обустроено с основательностью: камни выложены кругом, внутри чернеют остатки углей, ещё хранящие слабое тепло. В дальнем углу, максимально удалённом от костра, где стены заиндевели, лежит старый потрёпанный матрас. Он покрыт тряпками, которые пахнут сыростью и временем.

«Странное место для сна... холодное, неудобное, но кажется, намеренно выбранное.»

И тут – как удар по голове. На периферии сознания вспыхивает огонёк. Феникс.

«Не может быть, я ошиблась? Он далеко. Можно подготовить засаду...» – мысли мечутся, выстраивают варианты. – *«Стоп. Мои следы снаружи.»*

Я аккуратно, стараясь больше не наследить, выглядываю наружу. Снег уже засыпал отпечатки, пока я была внутри. Снегопад усилился и снежинки падают гуще, образуют мягкий, пушистый покров, скрывающий любые следы.

Сосредоточиваюсь, направляю силу на ручку двери. Она покрывается инеем, выглядит нетронутой. Ощущение холо-

да проникает в пальцы, но я держу концентрацию, пока металл не становится полностью белым, замёрзшим.

Внутри не так много места, чтобы спрятаться. Старые трубы, покрытые ржавчиной и паутиной, тянутся вдоль стен. Массивные, металлические, с облупившейся краской шкафы с оборудованием выстроились у западной стены. Забираюсь в один из шкафов, прикрываю створку, оставляю узкую щель. Металл холодный, влажный, прилипает к коже, но я не шевелюсь. Воздух внутри затхлый, пахнет железом и пылью.

Жду. Готовая ко всему.

Если это ребёнок – с ним наверняка кто-то взрослый, и этот взрослый бросится на защиту. Но сам феникс впадёт в ступор: дети всегда застывают.

Если подросток – он, скорее всего, на грани стабильности. В такие моменты фениксы полностью уходят в себя, не видят и не слышат ничего вокруг.

А вот если это взрослый, полностью сформированный феникс... Я не знаю, чего ждать. Тогда это наш призрак, которого выслеживает все управление. Феникс забравший не мало жизней подготовленных агентов.

И такой феникс наиболее опасен. Если он так долго протянул – значит, контролирует себя. Значит, знает свои пределы. Значит, заставить врасплох сложнее.

Слышу шаги. Они тихие, почти неслышные, но я различаю их отчётливо. Каждый шаг отдаётся в груди, словно эхо. Внутри всё кричит: феникс близко. И это не дитя, не неста-

бильный подросток. Кто-то сильный. Очень.

Скрип двери. В помещение входит мужчина, примерно моих лет. Внутри меня все вопит: «Феникс!» – но внешне никаких признаков аномальности. Единственное, что бросается в глаза, это количество одежды. Сегодня около -38°C , а на нём простые джинсы (голени заледенели, ткань стоит колом), толстовка на молнии с капюшоном. Фениксы не чувствуют холод, но таких «раздетых» я давно не встречала. От него исходит едва заметное тепло и воздух вокруг его фигуры кажется мягче, чем в остальном помещении.

Он стягивает рюкзак с плеч, что-то вынимает и складывает в углу. Я замираю и почти не дышу. Слышу только, как громко, неровно стучит моё сердце. В ушах шумит кровь, заглушая все звуки, кроме его движений.

Мне не нужно смотреть на него, чтобы знать, где он. Сила тепловика работает безотказно. Сознание предупреждает – **ОПАСНОСТЬ!**

И вот он напрягается, плечи замирают на мгновение, он принохивается, кажется по-звериному почуяв меня. Резко встаёт и движется в мою сторону. Его шаги легкие, но уверенные.

Я готовлю шокер. Рука дрожит, но я сжимаю прибор крепче, чувствую холодную поверхность металла, острые края.

Феникс рывком распахивает створку, она чуть не слетает с петель...

И я тону в его огромных, внимательных, бесконечно голубых глазах.

Они как небо, когда не идёт снег. Как чистое, бескрайнее, полное тайн небо моего детства. В них отражается слабый свет из окна, придаёт взгляду почти неземное сияние.

Замешкавшись, упускаю момент.

А его рука резко смыкается на моей шее. Пальцы горячие, обжигающие. Глаза больше не голубые, а белые, заполненные светом изнутри. Я чувствую жар на коже, он проникает глубже, пробуждает что-то забытое.

Страх?

– Стой... – хриплю я, царапая его запястье, стараясь вырваться. Мой голос звучит глухо, словно из-под толщи воды.

– Почему? – удивляется он искренне, а я оторопеваю. Мужчина чуть склоняется ко мне и его тёплое дыхание, касается моего лица, оставляет лёгкий след.

Пытаюсь еще что-то сказать, но он держит крепко. Спустя долгие секунды тишины слегка разжимает пальцы, потом медленно отпускает. Кожа на моей шее пульсирует, помнит его прикосновение.

– Я знаю, кто ты. Уходи, если хочешь жить, – бросает коротко и отходит к своей добыче. Его голос низкий, с лёгкой хрипотцой, точно он давно не разговаривал.

Я смотрю на его спину. В руках сжимаю шокер, на поясе болтается пистолет с сывороткой. И он отвернулся, присев в пяти шагах. Я могу его нейтрализовать... Но почему-то не

делаю этого.

«Знает, кто я? Интересно...»

– Кто ты? – спрашиваю.

– Ты знаешь, – бубнит он себе под нос.

– Знаю, что ты феникс. Но я не знаю, кто ты. Как твоё имя?

– Зачем тебе моё имя? Думал, тебе имена не важны, только количество уничтоженных целей.

– Меня зовут Вера.

– Я же сказал, рыжая, я знаю, кто ты.

– Откуда? Мы не встречались... Я бы запомнила...

Мужчина только долго и внимательно смотрит на меня. Его взгляд проникает внутрь, изучает каждую скрытую мысль, каждое заглушенное чувство.

– Ты будешь делать то, за чем пришла? – кивает он на шокер в моей руке. – Если нет, то убирайся.

И я ухожу.

Возвращаюсь в ФУКТА, пишу отчёт: «Бездомный в здании старой котельной подстанции „Северный узел“».

Отправляю.

Клавиатура холодная, пальцы слегка дрожат, но я печатаю ровно, чётко, без сомнений

– О, вернулась? А чо не зашла? – проходит мимо Иван. Его голос громкий, резкий, бьёт по моим натянутым нервам.

– Вань, не сейчас... Но все хорошо. Правда.

Он пожимает плечами и идёт по своим делам. Его шаги

отдаляются, растворяются в гуле коридора.

А я складываю руки перед собой, кладу на них голову, закрываю глаза и снова тону в этой невероятной синеве. В памяти всплывают его глаза – как небо, как что-то, что нельзя вернуть, но больше невозможно забыть.

Я не скажу, что тот мужчина был красив. Нет. Грубые черты, спутанные волосы, небритость. Он был довольно высок, но явно изнурён голодом. Тело жилистое, крепкое. Я заметила несколько шрамов: на лице и руках. Голос не был приятен – хриплый, будто он больше молчал, чем говорил.

Но его глаза...

Было в них что-то такое, за что хотелось ухватиться.

К чему хотелось прикоснуться.

К чему хотелось быть ближе.

Кто же он такой? Как его имя? Откуда знает меня?

Теперь эти вопросы будут меня мучить.

Глава 5. Где моя выдержка?

Эту ночь я опять без сна. Как и все предыдущие. Не помню, когда я последний раз высыпалась. Смотрю на серую ровную, без изъянов поверхность потолка своего отсека. Нет ни трещин, ни пятен, ни следов времени. Только тусклый отблеск дежурной лампы дрожит на гладкой плоскости. Я всматриваюсь упорно, будто в этой безликой глади может проступить ответ. Но вместо ответа, снова перед глазами этот взгляд...

Каждому сотруднику ФУКТА предоставляют жилое помещение. Старшим чинам, как мне, положен отдельный бокс – комнатка четыре на четыре. Стены выкрашены в нейтральный серо-бежевый цвет, который не раздражает, но и не оставляет следа в памяти. Внутри койка с жёстким матрасом, рабочий стол с выдвижными ящиками, санузел. Всё функционально, без излишеств. Душа, правда, нет... Это роскошь.

Тёплый душ... Ох... Как же я мечтаю о тёплом душе... Я его уже почти не помню. То, что можно принять сейчас, раз в неделю и строго на десять минут, еле тёплая, не совсем прозрачная жидкость. По факту это талый снег комнатной температуры. Когда вода стекает по коже, остаётся ощущение, будто смываешь не грязь, а тонкий слой собственной защиты. Но по сравнению с поверхностью, конечно, это рай.

Я могу подогреть воду, но на это уйдёт много ресурса. Зачем тратиться, когда все привыкли? И я привыкла. Холодный душ даже лучше – он бодрит, заставляет собраться, не даёт расслабиться. Резкие струи бьют по плечам, и тело мгновенно отзывается мурашками. Это не удовольствие, а тренировка. Напоминание: комфорт не для нас.

Мои десять минут этого «душа» как раз сегодня...

Раз не спится, пойду погреюсь.

Смешно...

Иду к душевым.

Коридоры почти безлюдны, лишь ночная смена, редкие сотрудники, спешащие по своим делам. Воздух здесь особенный: прохладный, с лёгким металлическим привкусом ржавчины. Лампы горят ровно, но свет их приглушён, будто экономится каждый фотон. Тишина не мёртвая, а рабочая – где-то вдалеке стучит механизм, кто-то переговаривается полушёпотом.

Захожу в душ, отдаю талон Александре Петровне – дородной, боевой женщине пожилого возраста. Не поворачивается язык назвать её бабушкой. Она заведующая баннным отсеком. Её крепкие, с заметными венами руки привычно принимают талон, пальцы быстро проверяют дату, взгляд скользит по лицу, но не задерживается. Кивает. Всё по регламенту.

Проскальзываю в мрачное помещение. Оно действительно мрачное: свет от редких ламп тусклый, с холодным серо-зелёным отливом, выцветший кафель блестит от влаги,

а ряды кабинок без шторок выглядят как клетки. Воздух пропитан запахом хлорки и сырости. Здесь нет уюта, только функция.

Выбираю дальнюю кабинку. Я люблю ходить сюда ночью или рано утром – в это время тут никого, меня никто не тронет, не отвлечёт разговором, не помешает побыть наедине с собой. В этой холодной тишине можно наконец перестать быть «ликвидатором», перестать держать лицо, перестать следить за каждым словом и движением. Здесь я просто тело под струями воды.

Открываю кран – горячую, только горячую. Трубы отзываются глухим гулом, вибрация передаётся в пол. Секунда, другая, третья... и вот они, долгожданные капли. Сначала редкие, потом всё гуще, они бьют по коже.

Вода холоднее тела, которое вмиг покрывается мурашками. Раздумываю, не прогреть ли хоть те капли, что касаются кожи, и вдруг прикасаюсь к своей груди. От холода соски встают, прикосновение прошибает, как молния, между ног – пожар, а перед глазами – синева его радушек.

Стоп. Я что сейчас делаю? Фу-фу-фу, Вера, фу, место! О чём ты вообще думаешь?

Но всё, момент упущен, настрой потерян, душ не радуется. Быстро домываюсь, вытираюсь и вылетаю из помещения, будто кипятком ошпаренная.

«Это ж какая экономия ресурсов», – тихо смеюсь про себя. Надо зайти к Лёше, навязаться на свидание. А то что-то

лихо заносит на поворотах от долгого воздержания.

Несколько смен проходят тихо. На четвёртый день приходит сводка о новой вспышке в нашем секторе. Немного расслабляюсь, увидев другие координаты далеко от той самой подстанции.

Едем с проверкой.

Но находим лишь пепелище... Небольшой радиус. Младенец. Куда же катится мир...

Почему, ну почему природа дала нам этот дар, но не дала инструкции, как им пользоваться? Почему они умирают сами, захватывая с собой родных и просто невинных? Почему мы их уничтожаем?

Я устала от этих вопросов.

Устала жить без ответов.

Устала убивать.

И поэтому сегодня я благодарна провидению, что младенец уже погиб, и не я та, кто отобрал его жизнь...

Вижу: на лицах ребят мелькают схожие эмоции. Глаза переполняет та же пустота, тот же немой вопрос: «Зачем?»

– Кажется, нам надо выпить, – предлагаю я. – Кто со мной?

Уже довольно давно на самом нижнем этаже ФУКТА – техническом, кстати, самом тёплом (сюда не добирается мороз с поверхности) обитает милейший человек: Гном. Он ни-

зенький старичок с бородой, и эта кличка ему прям очень подходит. Мне даже кажется, он специально отрастил бороду и ходит в колпачке, как садовый гном, дабы соответствовать имиджу. Его тёплая, чуть лукавая улыбка всегда немного смягчает атмосферу. В его каморке пахнет травами, металлом и чем-то сладковатым. На полках выстроились банки, колбы, медные трубки. Всё аккуратно, почти дотошно разложено. Здесь время течёт иначе.

Так вот, этот Гном варит такую забористую муть... Ох... Вечером ты «в ноль» от трёх-четырёх стопок, а на утро готов горы свернуть. Берёт, правда, Гном за свой товар немало...

В мире, где деньги больше не работают, возродился товарообмен. И вот наш приветливый хозяин очень любит шоколад. Поэтому все агенты на вылазках обшаривают все близлежащие заброшки в поисках этого лакомства. Если удаётся найти плитку – это просто клад. У Гнома можно выменять месяц попоек всей командой...

Как-то мне посчастливилось найти шоколадку, у которой кусочки завёрнуты в отдельную фольгу, как конфеты. Знаете, такие, как брусочки? Не помню название. Так вот, одна у меня ещё сохранилась. На сегодня нам с ребятами хватит.

Думаю, что надо позвать и Лёшу... Тело все настойчивее требует разрядки, так пусть получит ее, раз разум не может. А то в голове то и дело всплывает тот самый взгляд, от которого внутри что-то сжимается, и становится только хуже.

Ребята поддерживают идею. Я забегаю к Лёше – он, при-

ветливо улыбнувшись, сразу соглашается.

В коморке у Гнома тепло. Вкусно пахнет. Не знаю как, но он умудряется из грибов (в современных реалиях это наша основная еда, по мимо протеиновой гадости, что подают в столовой) сотворить что-то невообразимо вкусное. Едой он не торгует. Подаёт бесплатно к своему вареву. Здесь, среди медных трубок и стеклянных колб, время будто замедляется. Мягкий свет лампы, пар над тарелками, приглушённые голоса – всё это создаёт иллюзию уюта, которой так мало в нашем мире.

После второй стопки тиски, сжимающие сердце последние дни, наконец отпускают. Лёшка рядом. Приятель смеётся, смотрит тепло, он явно ко мне равнодушен. Леша добрый, и я ему давно нравлюсь. Но, к сожалению, я не вижу в нём мужчину, за которым хочу пойти. Поэтому использую его – самым постыдным образом. Сплю с ним, когда «припекает», как сейчас.

Все расходятся. Мы поднимаемся на мой этаж. Он прижимает меня к стене, целует, ладони скользят по спине, опускаются к ягодицам. Раньше это нравилось. Сейчас – противно. Что изменилось?

В голове тут же возникает образ – бездонная синева глаз феникса.

У меня невольно вырывается стон – не от ласки Лёши, а от картины, вспыхнувшей перед глазами. Он неверно трактует реакцию, заводится сильнее.

«Ну вот и как теперь ему отказать?»

Имитирую, что перебрала.

Отталкиваю, бормочу что-то про головокружение.

Он, слегка озадаченный, но без обиды, уходит.

Остаюсь одна.

Мерзко.

Липко.

Ложусь на кровать.

Потолок кружится то ли от выпитого, то ли от хаоса в голове.

«Я должна его увидеть...»

Мысль бьётся в висках, как пульс.

Это уже не просто интерес, а одержимость.

Она растёт, заполняет каждую щель, вытесняет всё остальное.

Закрываю глаза. Засыпаю.

И вижу феникса.

Глава 6. ЧЁРТОВ ПСИХ.

Я просыпаюсь с твёрдым намерением попросить Ваню меня прикрыть и сходить к фениксу.

Что я хочу ему сказать? О чём спросить? Зачем мне его вообще видеть?

Не знаю, и именно поэтому надо идти.

Быстро одеваюсь, собираю волосы в хвост, лезу под кровать. Там, в укромном углу за опорной балкой, я храню свои запасы. Провожу рукой по холодному металлу тайника, чувствуя ледяной укол. Открываю крышку: внутри аккуратно сложены припасы. Несколько банок тушёнки с потёртыми, местами вздувшимися этикетками; сушёное мясо в плотных, чуть липких от времени пакетах; несколько сухпайков с выцветшими маркировками. По мелочи – спички в герметичной упаковке, таблетки для очистки воды, моток крепкой верёвки. Всё, что удаётся найти на вылазках, у нас не отбирают. Нашёл – съел, не нашёл – обменял, и так по кругу.

Собираю всё это добро в рюкзак, ощущая каждый предмет: банки глухо стучаются, пакеты шуршат, верёвка тяжелит плечо. И тут раздаётся звонок, телефонный – резкий, механический треск, от которого дёргается веко.

Дааа... У меня есть телефон. Такой старый, даже древний.

Проводной, механический. Когда земля покрылась ледяной коркой, все наши супертехнологии – пшик! – и приказали долго жить. А вот проверенная годами техника выжила. Вот и мой красный, потрёпанный, с пожелтевшей трубкой и облупившейся краской друг живее всех живых и весело трещит у меня на столе, будто смеётся над хаосом снаружи.

– Да?

– Вера, ты можешь зайти? – голос Климова пробивается сквозь треск линии, звучит напряжённо.

– Климов, а это не потерпит? У меня планы.

– У тебя сигнал? Если сигнал, то мне точно нужно с тобой поговорить перед вашим отбытием.

– Нет, не сигнал, – я вздыхаю, провожу ладонью по лицу, чувствуя сухость кожи. – Хорошо, я сейчас поднимусь.

Ну что, придётся отложить свою прогулку, вызванную одержимостью, и заглянуть на минус пятый этаж нашего муравейника.

Двери лифта приветливо распахнулись на нужном этаже, и в нос резко ударил запах – смесь гари, машинного масла и какой-то жуткой вони, не хочу даже название ей придумать. Запах въедается в одежду, остаётся с тобой надолго, будто метка этого места. Как они тут выживают?

Но вообще «научный» этаж мой один из любимых. Здесь всё иначе: стены покрыты сетью труб, из которых то и дело вырываются клубы пара; под потолком висят лампы с желтоватым светом, мерцающие в такт работе генераторов. В

воздухе плавает лёгкий туман, сквозь который пробиваются отблески приборов – зелёные, красные, синие точки, будто звёзды в ночном небе. Холодный металлический блеск поверхностей контрастирует с тёплыми пятнами света. Где-то тихо гудит оборудование, раздаются приглушённые голоса сотрудников.

И Климов, несмотря на моё ворчание, мой старый добрый приятель. Мы пришли с ним в ФУКТА в одно время: встретились в столовой, пересекались на собраниях, постепенно сдружились. К слову, если бы не он, не его помощь и поддержка, когда погибла Алина... Меня бы тут уже не было...

Отец Алины умер ещё до её рождения. Он был одним из ликвидаторов, и ему просто не повезло: оказался не там и не в то время. Феникс унёс его с собой. Возможно, это и к счастью. Потому что он люто ненавидел «этих тварей», как он называл фениксов. И узнай он, что наша доченька – одна из них... Ох, не знаю... Она бы прожила на несколько лет меньше.

А так... Так я поддельвала анализы, учила её концентрации, помогала сбивать температуру... Но... И это не помогло.

Но я отвлеклась...

Я встряхнула головой, отгоняя воспоминания, и двинулась направо по длинному, ярко освещённому коридору. Лампы гудят тихо, почти незаметно, но этот звук оседает в сознании, как фоновый шум. Слева и справа от меня распо-

лагались преимущественно лаборатории – за стеклянными дверьми мелькают тени сотрудников, слышны приглушённые щелчки приборов, редкие переклики. В конце коридора находились несколько кабинетов. К одному из них и лежал мой путь.

– Климов, если ты позвал меня, чтобы рассказать очередную свою идиотскую теорию о спасении Земли, то я пошла, – заявила я с порога, скрестив руки на груди.

– Мои теории не идиотские, они все рабочие. Просто руководство их срезает. Но, Вера, сейчас это точно прорыв, – он говорит быстро, пальцы нервно перебирают листы с расчётами.

Я закатила глаза:

– О-о-о-о... Я пошла...

– Нет, стой. Ты просто посмотри. Вера, Верунчик, ну пожалуйста, – он поднимает взгляд, и в нём – та самая щенячья мольба, против которой я никогда не умела устоять. Вот дано же некоторым это умение – умолять. Жаль, с руководством у него так не выходило; а то, гляди, уже бы оттаяла наша матушка-земля...

– Ну, показывай, – сдаюсь я.

– Вот, смотри, – он оживляется, начинает тыкать пальцем в графики, разложенные на столе. Бумага чуть шелестит, чернила на пальцах оставляют тёмные следы.

– И поэтому мне нужен феникс. Желательно стабильный и постарше, чтобы был посильнее. И чтобы никто о нём не знал.

Закончил Климов свой рассказ, смотрит на меня в упор, ждёт ответа.

– А звезду с неба ты не хочешь? Где я тебе достану такого? У нас на днях младенец коллапсировал... А ты что, хочешь? Тащить его на край земли, через снегопад? Ты сам-то давно выходил на улицу? Вот я уверена, ты первый превратишься в сосульку. И что это ещё за скважина?

– Вер, тебе уже всё рассказал. Расчёты не врут, это реальный шанс. А что до феникса... Я знаю, только ты и справишься.

– Климов, не дави на мою гордость – её нету. И на жалость не дави, – предостерегла его я, видя, что его брови вновь складываются домиком.

– Так давай ты ещё раз всё обдумаешь, проверишь... Нет, молчи, – не дала я ему меня прервать. – И когда ты мне докажешь, что твоя полярная вылазка имеет смысл, мы ещё раз поговорим. Но предупреждаю: объяснения должны быть убедительными, такими, чтобы даже Маруся поверила. И не надо кривиться, все члены моей группы будут сами решать, лезть в эту авантюру или нет.

– Только не Маруся, она же меня ненавидит.

– Это не так. Ты просто не умеешь подкатывать к моло-

деньким сотрудницам. Всё? Я могу идти?

– Вер, ну ты пока приглядывай там взрослого феникса? Сама же знаешь... Их днём с огнём не найдёшь сейчас.

Я кивнула, развернулась на каблуках и пошла обратно к лифту.

Лишь подошвы тихо стучали по холодному металлическому полу, эхом отдаваясь в пустом коридоре.

У дверей своего кабинета столкнулась с хмурым Иваном. От него слегка пахнет перегаром и ментоловыми леденцами – пытается заглушить запах.

– Ну? Что у нас плохого? – поинтересовалась я.

– Ничего, просто вчера перебрал. А ты чего такая хмурая? У тебя же вчера вечер обещал быть томным?

– Ай, – отмахнулась я. – У Климова была, опять идеи, теории... Вань! Прикроешь меня сегодня? Я бы пошарила по городу, а то запасы шоколада иссякают.

Я заискивающе улыбнулась другу. Он внимательно смотрит на меня, прищуривается, потом кивает:

– Без проблем, босс. Прикроем. Ну только ты это, не как в прошлый раз. До комендантского часа вернись.

Я ему отсалютовала:

– Есть, будет исполнено. Спасибо, Вань. Не могу я тут

больше. Надо проветриться.

– Иди. Всё возьмём на себя.

– Спасибо, ты лучший.

И вот я опять стою перед замёрзшей дверью.

Феникс внутри. Я знаю. Я чувствую.

Улавливаю его силу – незримую, но ощутимую, как давление в ушах перед грозой.

Дверь покрыта инеем, узоры на поверхности напоминают замёрзшие вены. Прикладываю ладонь и тут же холод пробирается сквозь перчатку, обжигает кожу, заставляет пальцы неметь. Я закрываю глаза, сосредотачиваясь на ощущениях, и дверь с легким шипением оттаивает.

Вдох, медленный выдох.

Захожу.

Он не поворачивает ко мне головы. Только пальцы, перебирающие какую-то верёвку, на миг замирают, но тут же продолжают свою работу, будто и не прерывались. В помещении холодно, но от него исходит ощутимый жар, как от раскалённой печи. Воздух дрожит вокруг его фигуры.

– Эммм... Привет? – голос звучит тише, чем хотелось бы.

Я делаю несколько шагов вперёд, стараясь не шуметь. Пол под ногами чуть поскрипывает, протестуя против моего вторжения.

– Можно мне зайти?

– Ты уже зашла, – отвечает он, не поднимая глаз.

Что же сказать... Как разрядить обстановку? В голове пусто, только нервный ритм пульса в ушах.

– Я тут тебе кое-что принесла... – выпаливаю, сама не зная, зачем.

Мужчина резко, почти хищно поднимает взгляд. Вопросительно выгибает бровь, потом дёргает подбородком в сторону сваленных в углу мешков:

– Положи там.

«*Психанутый какой-то?*» – проносится у меня в голове.

– Если это всё, можешь идти. Не смею задерживать.

«*Нет, точно не нормальный*», – думаю, пряча руки в карманы.

– Как тебя зовут? И откуда ты знаешь, как зовут меня? – упрямо спрашиваю я и замираю, ожидая ответа.

Он коротко бросает на меня колючий взгляд и снова отворачивается, будто я уже не стою перед ним, а растворилась в воздухе, как дым от потухшего костра.

– Эй, я с тобой разговариваю! – начинаю я злиться, и мой голос дрожит от напряжения.

Он резко поднимает глаза и в них вспыхивает свет. Белый огонь феникса, яркий, как молния, пронзающий тьму.

– Лучше тебе убраться, пока можешь, – произносит тихо, но в каждом слове таится угроза, ощутимая, как лезвие у горла.

– Не надо меня пугать! – рывкаю я, а внутри всё кружится, как в водовороте. – Я с такими, как ты, каждый день имею дело. Пуганая, знаешь ли.

И с помощью силы остужаю его.

Мягко, но настойчиво приглушаю жар его энергии, не разрушая, не нападая, а словно опускаю на его пламя прозрачный покров. Не гашу, а укрощаю, позволяя огню остаться, но не дать ему вырваться за пределы.

Его глаза, снова голубые, скорее даже синие, удивлённо округляются.

– И вообще, хотел бы убить – уже убил бы. Так что хватит строить из себя недотрогу, давай поговорим.

Он встаёт.

Меееедлееено.

Ооооочень медленно.

Каждое движение, как растянутая во времени угроза. Потом так же неторопливо мужчина поворачивается ко мне. От него исходят потоки жара, но они стабильны, контролируемы. Я такое нутром чувствую, всей своей природой знаю, когда феникс на грани. И конкретно этот феникс полностью себя контролирует. По крайней мере сейчас.

– Откуда знаю? – наконец говорит он, и голос его звучит глухо, точно из глубины колодца. – Знаю, потому что твои рыжие лохмы маячат передо мной не один год. Потому что куда я ни пойду везде ты. Вся такая из себя собранная, серьёзная. Ловишь плохих фениксов. Избавляешь мир от угро-

зы.

Он делает шаг вперёд, и жар становится почти невыносимым. Но я не отступаю.

– Сколько ты прикончила таких, как я? А? Больше сотни? А в эту сотню входит твой ребёнок? Или его ты считаешь отдельно?

Слова бьют, как удары. Я сжимаю зубы, чтобы не ответить, не сорваться.

– Убирайся, пока можешь. Я тебе говорю в последний раз. И поверь, я очень, очень и очень хочу тебя убить. Именно поэтому прогоняю. Потому что я начну смаковать твою смерть и потеряю контроль. А сам я умирать пока что не собираюсь. Поэтому **ВОООООООН!**

Я выскакиваю за дверь. Сердце колотится, как сумасшедшее, в ушах шумит кровь. Он... Он не нормальный. Чёртов ПСИХ.

– ЧЁРТОВ ПСИХ!!! – кричу я ему, разворачиваюсь и иду прочь.

Но пройдя не более ста шагов, останавливаюсь. Вдыхаю ледяной воздух, пытаюсь унять дрожь в руках. Потом резко разворачиваюсь и иду обратно.

Врываюсь в помещение как смерч, с порога заявляю:

– Хорошо, на вопрос «откуда ты меня знаешь» ты ответил. Теперь второй вопрос. Как... тебя... зовут?

Я пристально смотрю на него, порывисто дышу, изо рта вырываются облачка пара, оседают в холодном воздухе.

Он так же смотрит долго, внимательно, изучает каждую черту моего лица.

А потом начинает смеяться...

И от этого смеха ещё страшнее, чем от его угроз. Потому что это смех сумасшедшего – без радости, без тепла, только голый, звенящий нерв.

Отсмеявшись, он говорит одно слово:

– Артём.

Я разворачиваюсь и ухожу. Не переставая твердить про себя:

«Псих. ЧЁРТОВ ПСИХ».

Глава 7. Рыжая гадина. Артем.

«Эта рыжая тварь опять пришла.

Я еле держался, а она напирала...

Как же хочется её испепелить...

Нет...

Хочу другого.

Чего?

Тогда в шкафу – её взгляд...

Хочу опять его увидеть.

Она смотрела не как на жертву, а как на человека.

А я ещё человек?

Осталось ли во мне что-то человеческое?

У неё тёплые руки, она хваталась за мои, когда я сжимал её шею. Её сердце билось быстро-быстро...

Хочу опять почувствовать.

Нет.

Зачем мне это?

Она опять пришла... а придёт ли ещё?

Хочу, чтобы пришла...

Нет!

Не хочу!!

Если захочу – опять потянет убить.

Она меня остудила...

Как? Даже не дёрнулась. Просто был огонь и вот его нет...

Рыжая...

Откуда знаю?

Ха! Она ещё спрашивает! Да её в городе каждый феникс знает...

А есть другие?

Или я один?

Нет, должны быть!

Или нет?»

Я перебираю то, что она принесла, а в голове бурлит привычный хаос мыслей.

Она прямо не поскупилась. Это настоящие сокровища. Я последние месяцы ем полнейшую дрянь. В животе скрутило. Но тут же отозвалось где-то ниже желудка.

«Хочу... её... Коснуться...»

Рычу в голос и отпихиваю такую вожаделенную банку тушёнки.

«Я не ел мяса... сколько? Не помню, давно...»

Вышел на улицу.

«Мороз... Холод... Хорошо... Холод вытесняет из головы голоса... Мои же голоса... Сомнения... Страхи...»

Возвращаюсь, падаю на матрас в углу помещения. Тут не намного теплее, чем на улице. Стены промерзли, и огонь от костра не доходит.

Это тоже хорошо.

Меньше тепла – больше контроля.

Забываюсь сном.

Вижу её: она спрашивает, как меня зовут.

Смешная... Такая сердитая... Такая манящая...

Просыпаюсь от запаха гари.

Сука! Матрас дымит.

Он и так был весь в дырах, а теперь я его поджёг.

Плохо, очень плохо.

Давно во сне не поджигал ничего. Это всё рыжая гадина!!!

Она лишает меня контроля!!!

«Ненавижу... Хочу... Хочу... Хочу...»

– Заткнись! – кричу на темноту в голос.

Чёртов псих... Усмехаюсь... Это она в точку...

«Придёт ещё? Хочу-хочу-хочу... Не могу не хотеть. Её...»

Я запретил себе вообще что-то хотеть. Когда желаю – неизменно поджигаю.

Но разум подсовывает мне картинки, одна краше другой.

Вот моя рука на её теле.

Каково это трогать другого человека?

Какой она окажется на ощупь?

«А-а-а-а... Хватит... Пожалуйста...»

Собственное тело подводит: оно желает того, чего желать запрещено.

«Запереть.

Забить гвоздями.

Замуровать.

Чтобы не вырвалось...

Нельзя, нет, нельзя.»

Но это сильнее меня. Чувствую, как матрас снова дымится.

«Чёрт!»

Выскакиваю на улицу и падаю в ближайший сугроб плашмя. Когти мороза сразу же впиваются в мою возбуждённую плоть.

Когда перестаю чувствовать конечности, встаю и плетусь обратно. Падаю на матрас.

«Рыжая... Приходи скорее...»

Через два дня, возвращаясь с очередной вылазки, (я так и не нашёл новый матрас, а от старого теперь воняло гарью)

у двери увидел свёрток.

От него пахло так, что в животе мигом заурчало – так громко, что меня, наверное, слышали в соседнем городе.

«Она приходила...

Опять подачи... Дрянь, рыжая!»

Прохожу мимо свёртка. От него веет теплом... Тёплая, ароматная еда...

«К чёрту... Не нуждаюсь!!! Катись ты, рыжая, со своими обедками.

Только приходи снова...Скорее...»

Глава 8. Без комментариев.

Я подошла к заколоченной двери котельной. Древесина была шершавой, в трещинах, по краям пробилась изморозь. Всё, что я принесла вчера, всё, что добыла с таким трудом, стояло там же, где я и оставила.

Чертов псих! Он издевается?!

Вчера мне удалось принести горячей еды, пару консервов и кусок хлеба, завёрнутый в старую тряпку. Но его не было, и пришлось оставить у двери. Третий день на улице рекордные -43°C в мае. Воздух резал лёгкие, каждый вдох обжигал горло.

Мир бился в агонии: дома стояли тёмные, окна заледенели, на улицах ни души.

А я ходила к фениксу, к тому, кого поклялась отлавливать и убивать.

Рванула дверь, та протестующе скрипнула, я почти влетела внутрь. В нос ударил запах дыма. Я подошла и толкнула его в плечо.

Он сидел у небольшого костра. Огонь едва теплился, бросал неровные блики на стены. В помещении, несмотря на пламя, было не больше $+16^{\circ}\text{C}$. Дрова почти прогорели, оста-

лись лишь тлеющие угли. А он в одной толстовке, рукава закатаны, руки в царапинах.

«Ну точно псих!»

– Слушай сюда, ненормальный ты имбецил. Какого хрена ты не забрал еду? Она, думаешь, с неба падает? А теперь что? Будем варить эти кубики льда?

Он точил нож.

Лезвие остро поблескивало в свете костра. В момент моей вспышки отложил камень и положил клинок себе на колени.

Медленно. Слишком медленно.

– Я не просил тебя сюда таскаться. Не просил о твоих подачках. Ты что, думаешь, если поможешь мне, будешь лучше спать?

– Если ты считаешь, что я горжусь тем, что помогаю убийце и преступнику, что покрываю «Феникса», тогда ты ещё больший псих, чем я думала.

– А я в любом случае больший псих.

Он встал и медленно, по кошачьи, двинулся в мою сторону. Он делает шаг вперёд, я делаю шаг назад. Так продолжалось, пока я не упёрлась спиной в заиндевевшую каменную стену.

– Тогда зачем ты сюда ходишь? Изучить? Напомнить, где все те, кто хотел меня «изучить»? Хочешь присоединиться к ним?

Холод пробрался под куртку, оцарапал кожу острыми когтями. Я сосредоточилась, воздух вокруг чуть потеплел, пла-

мя в костре вздрогнуло и разгорелось слегка ярче.

– Не смей греть! – заорал он и с силой вогнал нож в стену рядом с моей головой. Лезвие вошло с глухим стуком.

Я даже не дёрнулась. Лишь смотрела ему в глаза – самые синие глаза какие мне встречались.

– Какой же ты ненормальный. Я хочу узнать, как такой, как ты, до сих пор жив. Как ты можешь держать огонь. Люди гибнут. Фениксы... Может, ты сможешь найти разгадку, как нам выжить?

– Мне насрать на весь мир. Он мне ничего не дал.

Мужчина резко перехватил мои запястья, зафиксировав над головой. Я сразу начала мелко дрожать – его пальцы были ледяными, кожа на руках покрыта мелкими шрамами. Стена за спиной казалась ещё холоднее.

– Ты чёртов псих. Думаешь, что весь мир крутится вокруг тебя? Ты не особенный. Ты ошибка. Таких, как ты, ФУКТА убивает с рождения. И правильно делает. – вспыхнула я, желая побольнее уязвить, ударить словами, сбить его спесь.

Он не моргал. Взгляд не дрогнул.

– Ты сама убила свою дочь. Значит, это тоже было правильно?

Я вывернулась, резко, сильно ударила его волной тепла. Воздух затрещал, его толстовка на миг вспотела от конденсата. Он отстранился, его брови сдвинулись к переносице. Следом я догнала его ударом в челюсть.

– Не смей!!! – Кулак саднило, но я только крепче его сжа-

ла, желая ударить повторно.

Он не ответил ударом. Вместо этого схватил меня за шею и снова прижал к стене. Но не душил, только держал. Пальцы были жёсткими, но не сжимали горло. На мгновение замер, будто прислушиваясь к себе, проверяя, не рвётся ли наружу то, чего он так боялся.

– Катись в ад, – шепнула я, дыхание сбилось от гнева и бессилия.

– Я уже там. А ты всё ещё здесь. Почему?

Я попыталась вырваться.

Он не отпускал, держал крепко и все так же внимательно заглядывал в мои глаза, ища там ответ на свой вопрос.

Мои ладони упёрлись в его грудь, ткань толстовки была грубой, под ней чувствовались рёбра и учащённое сердцебиение. Он чуть ослабил хватку, неожиданно округлив глаза, словно испугался, что слишком сильно сдавил меня.

– Пусти. – снова прохрипела я.

– Нет. – его пальцы уже не сдавливали, а просто крепко держали. Взгляд его синих глаз стал растерянным, но тут в них мелькнула тень... И...

Он поцеловал меня...

Резко, грубо.

Губы его были сухими, на нижней чувствовался старый шрам.

Я вырывалась, била его в грудь, по ребрам, везде где могла дотянуться.

Вот же скотина!

Не придумав ничего лучше, я укусила его губу до крови.
Соль на языке.

В ответ он сжал мои бёдра железной хваткой, приподнял и припечатал к каменной стене. Моя спина прижалась к ледяному камню, а его тело, горячее и напряжённое, прижалось сверху.

Я попыталась снова его оттолкнуть, теперь охлаждая кожу силой. Его плечи покрылись мурашками, но он лишь усмехнулся.

– Холод мне не страшен, – он на секунду замолчал, сжимая моё бедро так, что я вскрикнула, – а жар страшен в первую очередь для тебя самой. Запустишь процесс и вместе со мной станешь факелом.

Он снова впился в мои губы, властно проник в мой рот. Когда его язык коснулся моего, нас обоих прошибло судорогой, как от разряда, как от внезапного скачка температуры. Он резко отстранился, глядя на меня с ужасом и восхищением одновременно.

Мое тело пробило дрожью...от возжеления...Вера, ты

же этого хотела?.. Ну получи! Нужно быть внимательнее при выборе желаний...

Я перестала отталкивать, мои пальцы вцепились в его жёсткие, чуть спутанные волосы, притягивая ближе.

Его руки рванули на мне штаны, резко спустили.

Ткань затрещала.

Всё моё тело вмиг покрылось мурашками, кожа стала чувствительной до боли. Но это длилось недолго, следом он вновь прижался ко мне, и он не был ледяным. Он был горячим, почти обжигающим, таким невероятным, таким сильным. Феникс закрыл глаза, словно стараясь удержать внутри то, что рвалось наружу. Вздохнул, медленно и глубоко. Он что-то пробормотал мне на ухо, неразборчиво, сквозь стиснутые зубы.

А я в ответ рванула пуговицы у него на штанах. Металл звякнул, одна отлетела и покатилась по полу.

Спустя пару секунд и еще один пронзительный молчаливый взгляд, и он ворвался в моё тело, как враг или как спасение – резко, грубо, до упора. Я вскрикнула, но не противилась.

Артем на мгновение отстранился и снова посмотрел в мои широко распахнутые глаза.

Зрачки феникса расширены, веки чуть дрожат, во взгляде мелькают тени.

Затем он уткнулся в мое плечо лбом и начал двигаться в бешеном ритме. Его дыхание стало тяжёлым, прерывистым.

Я чувствовала, как его жар поднимается от груди к горлу и он сжимал меня крепче, пытаясь удержать себя в рамках. Я не стала ждать худшего и скорректировала его температуру, немного понизила прикосновением к груди.

А в следующее мгновение я уже царапала его спину, плечи, всё, до чего могла дотянуться. Ногти оставляли розовые полосы на бледной коже. В то же время прижимала его всё крепче, впивалась пальцами в лопатки, это было невероятно и пугающе одновременно. Я больше не чувствовала холод. Теперь меня окутывал нестерпимый жар. Опасно. Мне стало страшно, я снова скорректировала его температуру, снизила уже на несколько десятков градусов, чтобы он не потерял контроль. Он вздрогнул, когда прохлада коснулась его кожи.

Мужчина снова посмотрел в мои глаза. В его взгляде застыло непонятное выражение: смесь страха, благодарности, сожаления, безумия и желания.

Ни один из нас больше не отвёл взгляд.

Так, смотря друг другу в глаза, мы достигли края и шагнули в пустоту, почти беззвучно... Я выгнулась ему навстречу, приоткрыв рот. Он прикоснулся к моим губам своими и издал сдавленный стон. Наши тела содрогнулись одновременно.

Боже, что я делаю... С кем я это делаю...

Мы замерли неподвижно на долгие секунды. Его колотило, мышцы нервно подрагивали. Опомившись, он резко отодвинулся и лихорадочно поправил одежду. Штаны едва

застегнулись и не с первого раза, его пальцы мелко дрожали.

Справившись с одеждой, феникс спрятал руки в карманы и устоял на свои ботинки, будто боялся увидеть что-то в собственных ладонях.

Я же еле стояла на ногах, голова кружилась, а мысли лихорадочно кружились в водовороте. Мое голое тело больше не мёрзло, каменная стена за спиной была тёплой, как печка, камень нагрелся от пламени феникса.

Я, все же собравшись, натянула штаны, ткань скользила по телу, царапая разгорячённую кожу.

Обернулась.

На стене чернел выжженный отпечаток ладони, там, где он опирался.

– Ты всё ещё псих, – сказала я и прошла мимо него к костру. Пламя уже угасало, угли тлели тускло.

Он задумчиво провёл ладонью по каменной стене, там, где остался тёмный отпечаток.

– А ты всё ещё рыжая, – ответил он, выдергивая свой нож из стены. Мужчина провёл большим пальцем по лезвию, проверяя, не затупилось ли. Выступила яркая, алая капелька крови.

– Что? Я думал, мы констатируем факты, – добавил он с кривой усмешкой, но в голосе не было издевки. Только усталость. И что-то похожее на страх.

Он сел рядом со мной у угасающего костра. Пламя едва

тепилося, отбрасывая дрожащие тени на каменные стены. Я молча взяла его руку, на которой алела капля крови, и слизала её. Солёная, тёплая, она оставила металлический привкус на языке.

Не говоря ни слова, я вложила ему в руки металлическую банку с едой. Та была тёплой, я успела подогреть её своими руками, и металл хранил мягкое тепло.

– На, ешь, псих, – произнесла я тихо, но твёрдо.

Он посмотрел на банку, потом на меня. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то неуловимое – благодарность, растерянность или, может быть, робкая надежда. Но он лишь кивнул, сжал банку пальцами и поднёс к губам.

Я, кинув пару старых досок в угли, уставилась на вновь разгорающийся огонь. Пламя дрожало, то почти угасая, то вспыхивая с новой силой. В голове крутились обрывки мыслей, но ни одну не удавалось ухватить, всё сливалось в какой-то вязкий комок.

Он ел молча. Я слышала, как он глотает, как тихонько звякает банка о его зубы. Этот звук казался неправдоподобно громким в тишине котельной.

Глава 9. Ни разу. Артем

Я смотрел в мерцающие угли костра и понимал: сейчас или никогда.

Если не скажу – она всё додумает сама.

А её додумки могут быть... опасными.

– Ты хотела узнать, как я так могу? – произнёс я, не поднимая взгляда. – Тогда слушай.

Голос звучит ровно, почти отстранённо.

Так проще. Так не прорвётся то, что заперто глубоко внутри.

Хорошо...

– Мать умерла, рожая меня. Ну как умерла... я ее спалил. Отец повторял мне часто, что я... ненормальный, я опасен.

Провёл ладонью по колену, будто стряхивая невидимую пыль.

Привычный жест.

Контролируемый.

Держу себя в руках...

– С младенчества он колол мне блокаторы. Адреналиновые. Чтобы держать это под контролем. Он любил меня. Кажется. По-своему.

Она не шевелилась.

Только глаза, широко раскрытые, внимательные, следили за мной.

Не жалость.

Не ужас.

Что-то другое.

Это раздражает.

И притягивает.

– В пятнадцать лет... – я сжал кулак, и в полумраке на мгновение вспыхнули алые прожилки между пальцами. – Мы поссорились. Я разозлился. Сильно. А он... – резко выдохнул, —...он просто загорелся. Осталась только горстка пепла.

Тишина.

Лишь треск угасающих углей.

– После этого я решил: лучше быть одному. Так никто не пострадает.

Поднял руку.

Растопырил пальцы.

Разглядываю их, как нечто чуждое. Как оружие, которое нельзя выпускать из кобуры.

– Выработал правила. Не есть горячее. Медитировать, чтобы держать пульс низким. Спать на голом полу. Ходить раздетым. Принимать ледяные ванны. Сейчас с этим проще – снега хватает.

Короткая усмешка.

– И ещё одно правило. Самое главное. Никого не касаться. Никогда. Только если хочу убить.

Наконец посмотрел на неё, прямо, в глаза.

Пусть видит.

Пусть поймёт, насколько это было... *бесповоротно*.

Насколько я потерялся в ней...

– Так что, рыжая. Ни разу. С тех пор... ни разу.

Она тихо, почти неслышно ахнула.

Всё поняла.

Но не сказала вслух.

Не нужно было.

В её взгляде не было ни жалости, ни ужаса, а было что-то другое. Что-то, от чего захотелось сжаться в комок или, наоборот, разорвать эту тишину криком.

Отвернулся к костру.

– Теперь знаешь. И что будешь делать?

Молчание.

Потом – просто:

– Жить.

Тишина легла между нами.

Через минуту она добавила, не повышая голоса:

– И надо обдумать, как применить твой опыт. Если ты столько лет удерживал это в себе... значит, можешь управлять. А если можешь управлять – можно использовать. Не против людей. Для выживания.

Горькая усмешка.

Провел рукой по лицу.

– Использовать? Меня?

– Как ресурс, – поправила она, не отводя взгляда. – Ты думаешь, мир теперь нуждается в «нормальности»? Нет. Ему нужны те, кто умеет держать огонь в кулаке. Даже если этот кулак дрожит.

Открыл было рот, чтобы возразить, но замер.

В её словах не было ни жалости, ни пафоса, только холодная, трезвая логика.

От неё не получалось отмахнуться.

Она чуть наклонила голову.

«Хочу снова ее коснуться... Я становлюсь одержим...»

– Ты выжил. Это уже победа. Теперь надо решить, ради чего жить дальше.

Костёр догорал, бросал блики.

Я чувствовал... что-то.

Не отчаяние.

Что-то иное.

Рыжая... Так тянет дотронуться...

Она поднялась, не торопясь, я мог остановить её.

Но я молчал, глядя в угасающие угли.

Она шагнула к двери, взялась за шершавую ручку...

И вдруг моя рука сжимает ее запястье.
Резкий, почти судорожный жест.
Сам замираю, поражённый тем, что сделал.

«Зачем?»

Пальцы сжимают её кожу, но не больно, скорее... *нежно???*

«Нееет... где я и где нежно...»

Она не дёргается, не пытается освободиться.

Только поворачивается ко мне, и в полумраке её глаза кажутся тёмными, непроницаемыми.

Хочу что-то произнести,

Оправдаться.

Отшутиться.

Оттолкнуть её снова.

Но не двигаюсь...

Остаётся только это прикосновение, горячее, почти обжигающее, и моё собственное дыхание, сбившееся от неожиданности.

Она медленно поднимает свободную руку и лёгким, почти невесомым движением, проводит большим пальцем по

моему запястью.

Кружится голова.

Кажется сегодня я решил нарушить все правила?

– До встречи, псих, – говорит она тихо, без улыбки.

Уходит.

Дверь скрипит, выпускает струю ледяного воздуха, а потом захлопывается с глухим стуком.

Остаюсь один.

Рука всё ещё помнит тепло её кожи.

Медленно опускаю её, смотрю на свои пальцы.

В костре догорают последние угли.

Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Ясная, физическая боль на миг перекрывает всё остальное. Рву на себе толстовку, не разбирая, как трещат швы, и шагаю за порог.

«Холод...Скорее...»

В лицо бьёт ледяной вихрь. Снег, острый, как осколки стекла, хлещет по обнажённой коже. Делаю шаг, потом ещё, вглубь белой круговерти, пока котельная не растворяется в метели.

Ложусь в снег.

Холод вцепляется в меня, как хищник – сначала робко, потом яростно, вгрызаясь в мышцы, пронзая кости.

Зажмуриваюсь, но перед глазами всё равно стоит это: её взгляд, её губы, её рука на моём запястье.

И мой собственный стон, сдавленный, вырвавшийся во-

преки всему.

«Нельзя. Нельзя. Нельзя».

Повторяю это, как заклинание, вколачивая слова в черепную коробку.

«Запереть.

Забить.

Зацементировать.

Чтобы ни пламя, ни желание, ничего не просочилось наружу.

Чтобы снова стать тем, кем был: ледяным, острым, безопасным.»

Снег вокруг меня тает быстрее, чем должен.

Но я не двигаюсь.

Только сжимаю зубы, пока челюсти не заныли.

Минуты текут, как смола.

Температура падает.

35 °С.

34 °С.

33 °С.

На 32 °С поднимаюсь.

Тело дрожит, кожа покрылась мурашками, но внутри – пусто.

Ни огня, ни жара, ни... этого.

Возвращаюсь в котельную.

Дверь захлопывается за мной, отрезая вой метели.

Капли воды стекают с волос, с плеч, оставляя мокрые следы на каменном полу.

Не тороплюсь одеваться.

Пусть холод доделает работу.

Костёр почти догорел.

В углях ещё тлеют алые прожилки.

Не обещают.

Ничего не обещают.

Провожу рукой по лицу, стирая капли пота и снега.

Глубоко вдыхаю.

Выдыхаю.

Так лучше. Так привычно. Так безопасно.

Натягиваю на себя рваную толстовку. Ткань прилипает к мокрому телу, но я не морщусь.

Только криво, почти горько усмехаюсь.

– Псих, – шепчу, повторяя её слова.

И это почти смешно.

Глава 10. То, что согревает меня, может согреть планету.

– Какая же это гадость... – протягивает Маруся, морщит нос, пальцы с обкусанными ногтями сжимают ложку так, что побелели костяшки.

Мы с командой в столовой. Внизу, под землёй. Помещение низкое, с массивными бетонными сводами, испещрёнными трубками и проводами. Швы между плитами затянуты инеем; он блестит в тусклом свете ламп, будто посеребрённая паутина. Лампы в металлических решётках мерцают с хриплым треском, иногда мигают, роняя на столы рваные тени. Воздух сухой, с привкусом металла и старой проводки; каждый вдох царапает горло. Вдоль стен тянутся длинные столы из грубого пластика, привинченные к полу ржавыми болтами. В дальнем углу виднеется раздаточная с окошком, за которым вечно молчаливый «повар» в прожжённом халате. Его лицо скрыто в полумраке, только пальцы, перекалывающие миски, блестят от жира.

Мы все дружно ковыряем ложками без особого энтузиазма протеиновую жижку. Она липкая, сероватая, с редкими масляными разводами. На вкус – одна соль, острая, въедливая, оседающая на языке. В нашем холодном мире есть один

постоянный вкус – это соль. Почему? Да кто ж его знает... Видимо, запасы соли у нас не ограничены. Хмыкаю, провожу языком по сухим губам.

Засовываю эту бурду себе в рот. Переваливаю языком от щеки к щеке... Не тороплюсь глотать. Холодная масса скользит, оставляя после себя металлический привкус.

Мысли мои далеко...

Внутри ещё не угасает тепло. Это так необычно. Как только его жаркое семя коснулось меня, показалось, что внутри разгорелось пламя... И прошло уже часа четыре... А тепло ещё сохраняется, будто маленький костёр тлеет под рёбрами. Я не знаю случаев отношений с фениксами... Имел ли с ними вообще хоть кто-то подобные связи? Но то, что было с ним... Это оооочень необычно.

Он и сам ненормальный. И поступки его такие же.

Вот взять хотя бы его поцелуй. Ну кто так целует? Губы жёсткие, горячие, почти обжигают, но в этом жаре сквозит неожиданная осторожность. Но странным образом я хочу ещё... Он никого не целовал до меня... Вот это точно полная дичь. Перед тобой здоровый сорокалетний мужик, полный сил стереть тебя с лица земли, и ты – первая, кого он вообще трогает... Не говоря об остальном... Интересно, и как ему? И ведь по нему не поймёшь: лицо каменное, глаза тёмные, непроницаемые. Однозначно... дичь...

– Вера!.. Ау... Ты где?

Климов.

Его резкий голос, как щелчок выключателя, ворвался в мои мысли. Ученый стоит напротив, ссутулившись, а его пальцы нервно перебирают листы бумаги. На виске пульсирует жилка, глаза горят лихорадочным блеском.

Да что тебе надо-то? Ну не сейчас.

Поднимаю на него глаза, наконец проглатываю эту дрянь, что до сих пор валяю во рту. В глотке остаётся противное скольжение.

– Что тебе?

– Ты просила доказательства. У меня кое-что есть. Посмотришь? – он кладёт на стол стопку распечаток; бумага пахнет тонером.

– Сейчас? Я ем...

– Ой, не смей меня, это не еда... – он кривит губы, а взгляд скользит по моей миске с презрением.

– Ну чем богаты... Показывай.

– Я знаю одного парня, по компьютерам, ну, типа хакера. – Он проводит рукой по волосам, сбивая прядь на лоб. – Не закатывай глаза. Если у тебя нет техники, это не значит, что её нет ни у кого. Ну так вот. Он взломал базы ФУКТА. Ранее уже проводились эксперименты на Кольском полуострове. Думаю, как раз там, где я предлагаю. Давно. Двадцать восемь лет назад. Тогда ещё не было так критично...

– Я помню, как было... – прерываю его, проводя пальцем по краю миски. Край острый, царапает кожу.

– Да, тогда только начинались исследования природы за-

мерзания. И вот тогда-то как раз выяснилось: мантия Земли остывает и теряет скорость. И через скважину пытались пропустить тепло. Что-то вроде кучи тепловиков собрали, но фениксы не упоминаются, их тогда мало еще рождалось, может по этому, а может побоялись нестабильности...

– Ну, судя по погоде, у них ничего не вышло.

– Конечно, не вышло. Там импульс нужен градусов... Ну, не меньше чем 1500°C , а то и все 2000°C . Какой тепловик столько выдаст? А ствол шахты всего 20 см. Там нужно не много по чуть-чуть. А один мощный вброс.

Я сделал расчёты, и Каперс их проверил. Они идеальные.

– Каперс?

– Ну да, это тот парень, хакер. Каперс – он себя так называет.

Я хмыкаю, постукиваю ложкой по столу. Глухой, монотонный ритм отдается гулом в висках.

– Что тут у вас? – придвинулся к нам Игорь. Его тень накрывает бумаги. Он наклоняется, прищуривается, потом присвистывает. – Я знаю, где это... Это оооочень далеко. Туда так просто не добраться... Ни грузовик, ни снегоход не дойдёт, топлива не хватит. Придётся пешком большую часть... А это север... Сами понимаете. Суперэкстремальные условия. Когда выходим?

Его голос звучит ровно, но в глазах уже плещется азарт, зрачки расширяются, а на щеках проступает румянец.

– Так, никто никуда не идёт! – рывкнула я, ударяя ладонью

по столу. Звук резкий, как выстрел.

– Это пока что теория, причём очень перспективная, – возразил Климов, сжимая кулаки. На пальцах белеют суставы.

– Ему нужен феникс, взрослый, – рассказываю я команде, проводя рукой по шву на рукаве. Нитки колются, царапают кожу.

Ваня хохотнул, откинувшись на стуле, и скрестил руки на груди. Маруся смотрит свысока, приподняв бровь, её пальцы медленно вертят ложку, будто взвешивают каждое слово. А я задумываюсь об Артёме.

– К сожалению, да. И это, я так понимаю, более сложная часть плана, чем путь на север через снега, – понурил нос наш учёный. Плечи опустились, голова склонилась, будто под тяжестью невидимого груза.

Я пнула его локтем.

– Не вешай нос раньше времени. Если найдём феникса, найдём способ добраться туда... Что дальше? У нас как бы начальство вроде имеется... Нет? Ты про эти свои исследования нам рассказываешь с какой целью? Идти в обход управления? Где взять снаряжение и технику? Ты хоть задумывался? Думаешь нам позволят? Не остановят по пути? Думаешь, не охраняют эту твою... – я заглядываю в записи, провожу пальцем по строке, – Кольскую сверхглубокую яму? Кстати, насколько она глубокая?

– Не яма, а скважина. И глубиной она более двенадцати

километров.

– Хрена се! И что, она так и стоит, такой узкой дыркой на глубину двенадцать км? – спрашивает Иван, вскидывая брови. Его голос звучит громко, резко, будто он пытается пробить стену недоверия.

Климов вздыхает и устало проводит рукой по лицу.

– Нет, конечно. Скважина заполнена грунтом. Но ствол сохраняет её целостность. Как ни крути, это отверстие в земной коре, и оно проводит тепло. В нашем случае нужно практически расплавить содержимое скважины и дойти до мантии. Это самая глубокая точка, когда-либо достигнутая человеком. Все мои расчёты показывают одно: мантию надо... Толкнуть. И сила феникса должна справиться. А что касается управления... Конечно я докладывал, распинаясь перед ними... и ничего. Понимаешь НИЧЕГО. Всем все равно, загнемся мы или нет. Главное они там все в масле катаются. Греются от «живых свечей». Что б им пусто стало... Вер, ты меня всё время спрашиваешь, зачем мир создал фениксов. Так, может быть, для этого? Для того, чтобы один из них спас нас всех? И мы должны... Нет!!! Мы обязаны попробовать!

Его глаза горят, в них отражается свет лампы, превращая зрачки в два маленьких пламени.

– Хорошо, предположим, мы это всё проворачиваем. И какие последствия? Что будет с планетой?

– Постепенно вернётся к состоянию до появления РННХ. Как скоро, спросишь? Не скоро. За несколько лет... Скорее,

за десятилетия.

– То есть мы вряд ли увидим траву? – спрашивает Маруся, проводя ладонью по столу, точно сметает крошки сомнений.

– Ну ты-то, может, и увидишь. А вот тот бедолага, который отдаст всё своё тепло, вряд ли, – бурчит Ваня, скрепя руки на груди. Его плечи напряжены, мышцы играют под тканью рубашки, он явно не в восторге от этой идеи.

От слов друга меня передёргивает. Я уже собираюсь рассказать про Артёма, но резко захлопываю рот. Зубы щёлкают, прикусывая язык до боли.

Нееет... я только начала понимать свою тягу к этому безумцу, не готова его убить... тем более ... вот так.

– Не обязательно. Он не должен умирать. Если его стабилизировать и помочь направить энергию вниз, а не в стороны, думаю, есть все шансы на выживание. Вот для этого и нужны такие, как Вера и Игорь... Направить.

– Ох, Климов. Звучит как сказка. Очередная твоя безумная теория... – я провожу рукой по волосам, чувствую, как кончики пальцев дрожат.

– У меня море расчётов! – перебивает Климов, хлопая ладонью по бумагам. – Ты просила доказательства – вот они. Вот, вот и вот, и вот!

– Виктор, не кипятись, – вмешивается Иван, поднимая ладони в примиряющем жесте. Его голос мягкий, но твёрдый, пальцы слегка подрагивают. – Мы видим работу, но мы не ты. Нам сложно это всё понять. Не горячись. Мы не отверга-

ем, мы подвергаем сомнению. А это другое. Есть много «но». Поэтому не нервничай так. А лучше объясни еще раз и проще.

Ваня говорит медленно, взвешивая каждое слово. Взгляд спокойный, но в уголках глаз появляются напряжённые морщинки. Иван никогда не повышает голос, но его слушают: в нём есть та внутренняя твёрдость, которую нельзя игнорировать.

– Да, – согласно кивает Маруся, опуская подбородок чуть вниз и наклоняя голову, взвешивая сказанное. – Мне вот непонятно многое. Например, есть вот эта скважина. Её пробурили, засыпали и теперь это же не скважина. Как туда пройдёт что-то? С таким же успехом можно найти точку на земле, где эта ваша земная кора тоньше всего, и попробовать там прожарить. Я не права?

Её пальцы ритмично постукивают по краю стола (тук-тук-тук), отсчитывая аргументы. В движениях скрыта сдержанная энергия, а в глазах блестит острый интерес.

– Не совсем, – вздыхает Климов, проводя рукой по волосам. Прядь падает на лоб, он резко откидывает её назад. – Во-первых, земная кора наиболее тонкая под водой, на глубине десять километров в Марианской впадине. Но туда и раньше-то не добраться было, а сейчас и подавно.

Он делает паузу, сжимает и разжимает кулаки, будто прогоняет напряжение.

– А насчёт заполненности скважины... Представьте про-

вод. Он внутри не полый, у него есть жила, есть изоляция. Тут подобный случай. Как ни крути, это не монолитный камень земной коры – это канал.

Теперь его голос звучит тише, но твёрже. Он наклоняется вперёд, опираясь на локти, и настойчиво, почти требовательно смотрит каждому в глаза.

– Но пока нет феникса, нет и шанса... – осадил Климов сам себя. Его плечи опустились, пальцы разжались, и листы с расчётами тихо скользнули на стол. В тусклом свете ламп лицо ученого казалось измождённым: тени легли под глазами, подчёркивая бессонницу и напряжение.

– Эх... Вот бы призрак оказался настоящим... – протянул Игорь. Он откинулся на стуле, но спина осталась прямой, приятель даже в расслабленной позе держал себя готовым ко всему. На его виске блеснула капля пота, хотя в столовой было холодно.

– Призрак? – вскинулся учёный. Глаза снова загорелись, он подался вперёд, опершись ладонями о край стола. – Расскажи подробнее!

– Призрак это всего лишь легенда, не существует никаких призраков. Всё, вопрос закрыт, – отрезала я, не давая Игорю продолжить. Мой голос прозвучал резче, чем хотелось.

– Вер Митривна, но ведь вы тоже видели все эти признаки... – шёпотом начал Игорь. Он понизил голос так, что приходилось вслушиваться. Губы почти не двигались, слова просачивались сквозь них неохотно. – Призрак – это феникс,

мы его всем управлением лет десять ловим. Нам пару раз даже удавалось выйти на след. Он безжалостно крошит наших. Остаются только аккуратные кучки праха... Это прям жуть как стрёмно. Сам видел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.